

S.E.HINTON
THE OUTSIDERS

С.Э.ХИНТОН

ИЗГОИ

**LIVE
BOOK**

**МОСКВА
2017**

УДК 82-311.3
ББК 84(4/8)
Х47

The Outsiders — Copyright © S. E. Hinton, 1995
Издание публикуется с разрешения Curtis Brown, Ltd.
и литературного агентства «Синопис»

Оформление обложки Олега Пащенко

Хинтон, Сьюзан

Х47 Изгой / Пер. с англ. А. Завозовой. — Москва: Livebook, 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-9908081-3-3

Маленький городок в Оклахоме, 60-е годы. В давнем конфликте противостоят друг другу банды подростков — грязеры и вобы. Первое правило грязеров — по одному не ходить, второе — не попадаться. И всегда стоять за друзей горой, что бы они ни сделали. 14-летний Понибой Кертис уверен: богатеньким деткам — вобам, золотой молодежи с западной части города — никогда не понять ребят из бедных кварталов с восточной стороны. И лишь одна страшная ночь, одна стычка с вобами все меняет.

Сьюзан Элоиза Хинтон начала писать роман «Изгой» в 1965 году. Написанная искренне и от души, книга повествует о проблемах реальных подростков — представителей подростковых банд, жителей бедных кварталов, детей из неполных семей. Американская ассоциация библиотекарей включила роман Хинтон в список «100 запрещенных книг XX века»: в некоторых штатах он остается под запретом до сих пор, во многих других — давно включен в школьную программу.

В 1983 году книга была экранизирована режиссером Фрэнсисом Фордом Coppолой. Фильм стал успешным стартом в большое кино для юных Патрика Суэйзи, Тома Круза, Си Томаса Хауэлла, Мэтта Диллона, Эмилио Эстевеса и Ральфа Маччио.

УДК 82-311.3
ББК 84(4/8)

© S. E. Hinton, 1995
© Анастасия Завозова, перевод
на русский язык, 2016
© Виктор Сонькин, перевод
стихотворения, 2016
© Livebook Publishing Ltd, 2016

ISBN 978-5-9908081-3-3

Предисловие.

НЕДОЛГОВЕЧНОЕ ЗОЛОТО

Роман С. Э. Хинтон «Изгой»

Пожалуй, странно будет начать предисловие к роману с совета его не читать, но об этом все-таки стоит сказать сразу. Если вы — взрослый, и не просто взрослый, а таковым себя считаете — зрелым, сформировавшимся, серьезным человеком, которому не до пустяков и которого уже миновали все эти подростковые треволнения, сомнения и неуверенности, то вам, наверное, лучше сразу закрыть эту книгу и не тратить на нее свое время. Потому что львиная доля невероятного и непреходящего очарования романа «Изгой» заключается как раз в том, что он был написан подростком и для подростков.

Сьюзан Элоиза Хинтон, школьница из города Тулсы, штат Оклахома, начала писать роман «Изгои» в 1965 году, когда ей было шестнадцать лет. Поводом для этого послужила история, случившаяся с другом Хинтон. Его посреди белого дня и на глазах у прохожих избili несколько подростков из богатых кварталов. До этого Хинтон редко задумывалась о том, что круг ее общения состоит преимущественно из грязеров — набриллированных парней с сигаретами, которые жили в бедной части города. Точнее, не задумывалась о том, что кому-то приходит в голову не просто делить людей на группы по тому, как они одеваются, где живут и сколько у них денег, а еще и откровенно из-за этого ненавидеть их. Сама Хинтон вспоминает, как однажды шла домой с компанией друзей — мимо них проехала машина, из которой им прокричали: «Грязилы!», и тогда она впервые, глянув на своих идущих вразвалочку, попыхивающих сигаретами друзей, подумала: «Господи, да они же хулиганы!»

После той самой истории с избением возмущенная Хинтон пришла домой и кинулась записывать свои мысли и впечатления от случившегося. Так начался роман «Изгои» — со сцены, где

главный герой, четырнадцатилетний мальчишка из бедного квартала, идет домой из кино и по дороге на него нападают пятеро парней, представителей «золотой молодежи». Современная американская писательница Рэйнбоу Рауэлл, очень известный автор нескольких подростковых книг, говоря о романе Хинтон, отметила в том числе, что он весь написан как будто бы «на выдохе», в нем нет ни пауз, ни промедлений, только поток яростной речи, внутренний монолог подростка, — и это действительно так. Поначалу Хинтон даже не собиралась издавать роман, ей просто нужно было выплеснуть куда-то свою злость на людей, избивших ее друга и возмущение всей сложившейся ситуацией, тем, на какие узкие кастовые группки поделена вся их школа. (Школьное противостояние дошло до того, вспоминала Хинтон в одном из интервью, что представители разных группировок входили в школу через разные двери.) Но однажды она показала роман своей подруге, а та показала его своей матери, которая в свое время написала и издала книгу для детей. Роман ей так понравился, что она отправила его своему нью-йоркскому агенту и в день выпускного бала Сьюзан Хинтон получила контракт на издание книги.

Нельзя сказать, что книга имела мгновенный успех. Какое-то время она продавалась довольно вяло, но к счастью для Хинтон именно в этот момент в США обострились дискуссии о том, какой должна быть литература для подростков. Сама Хинтон вспоминает, что в ее детстве книжки были «или про лошадей, или о том, как «Мэри-Джейн едет на бал», а ничего о том, как вообще живут реальные подростки, прочесть было и нельзя. Когда дискуссия вышла на новый виток, все больше и больше учителей и библиотекарей стали приводить в пример роман «Изгой». Они отмечали подлинную, живую, не подслащенную тональность романа и то, что его героями стали мальчишки, которых раньше как будто бы никто и не замечал — представители подростковых банд, жители бедных кварталов, дети из неполных семей. Именно выбор героев, кстати, придал книге ореол некоторой скандальности. Во многих штатах книга была запрещена, даже несмотря на то, что с момента публикации было продано около 20 миллионов экземпляров. Именно реалистичность персонажей стала причиной запрета — несовершеннолетние герои книги курят, употребляют алкоголь, сталкиваются с насилием в семье,

дерутся, грубо разговаривают и сами зачастую преступают закон. Американская библиотечная ассоциация включила роман Хинтон в список «100 запрещенных книг XX века», но во многих штатах он входит в школьную программу.

По роману даже снят фильм — в 1983 году фанаты книги написали петицию, которую подписали тысячи человек. Они просили, чтобы экранизацией фильма занялся Фрэнсис Форд Коппола, и режиссер согласился. В фильме снялись тогда еще совсем юные и мало кому известные Си Томас Хауэлл, Патрик Суэйзи, Том Круз, Роб Лоув, Мэтт Диллон, Эмилио Эстевес и Ральф Маччио. Небольшое cameo — полуминутная роль санитарки в больнице — досталась и Сьюзан Хинтон, с которой у Копполы сложились очень теплые отношения.

Эта яростная, страстная и до сих пор очень живая любовь к роману, которая с 1967 года, в общем-то, и не думает угасать, вызвана, конечно, тем, с чего и началось это предисловие. Это роман, написанный подростком — для подростков. Написанный искренне, на выдохе и от души. Роман, который после того, как его прочитывают впервые — в десять, одиннадцать или двенадцать

А. ЗАВОЗОВА

лет, — оставляет по себе воспоминания и чувства, которых уже никогда не будет, если прочесть роман в каком-то отчетливо взрослом, отчетливо серьезном состоянии. Конечно, поскольку автору романа было всего 15–16 лет, когда она его писала, не стоит ждать от книги какой-то исключительной литературной отточенности. Но некоторую незрелость и наивность выражений с лихвой окупает удивительно искреннее чувство, которым пронизан весь роман, чувство, благодаря которому Хинтон и пробилась к сердцам своих незрелых читателей — желание не столько написать книгу, сколько выплеснуть подростковую ярость и ужас взросления, через которые нам всем рано или поздно приходится пройти.

Поэтому при переводе я постаралась аккуратно сохранить и передать стиль автора — во всей его юношеской простоте и угловатости — и ни в коем случае ничего не улучшать. Надеюсь, мне это удалось, но любые ошибки, как водится, все равно остаются на совести переводчика.

*Анастасия Завозова,
июль—октябрь 2016*

глава первая

Когда я вышел из темного кинотеатра на солнце, думал я только о Поле Ньюмане и о том, как буду добираться домой. Хотел бы я быть похожим на Пола Ньюмана — он крутой, а я — нет, но вообще я не так уж плохо и выгляжу. Волосы у меня светло-каштановые, почти рыжие, а глаза — зеленовато-серые. Жаль, что не совсем серые, конечно, потому что почти у всех парней, которых я терпеть не могу, как раз зеленые глаза, но тут уж выбирать не приходится. У меня длинные волосы, сзади ровные, в линию, и челка отросшая, парни обычно покороче носят, но я грязер, и в нашем квартале мало кто

вообще стрижется. И потом, мне лучше с длинными волосами.

Идти до дома было далеко, а я был один, но я и так всегда один в кино хожу, просто чтобы мне не мешали смотреть фильмы, чтобы можно было уйти в них с головой, прожить их вместе с актерами. Когда вдвоем с кем-нибудь кино смотришь, как-то неловко становится, вроде как кто-то у тебя через плечо книжку читает. Этим-то я и отличаюсь. Ну, то есть вот один мой старший брат, Газ, которому шестнадцать — уже почти семнадцать, — по жизни ничего не читает, а моему самому старшему брату, Дэррелу, которого мы все зовем Дэрри, и вовсе не до книг или картинок, потому что он много работает, и, в общем, я от них отличаюсь. И в нашей банде никто так, как я, на счет кино и книжек не загоняется. Было время, я даже думал, что я на целом свете один такой. Ну и ходил везде один.

Газ хотя бы старается меня понять, от Дэрри и этого не дождешься. Но Газ, он вообще не такой как все, он все понимает, ну почти. Например, он не орет на меня целыми днями как Дэрри, не обращается со мной так, будто мне шесть, а не четырнадцать. Я никого так не любил, как

Газа, даже маму с папой. Он веселый и всегда улыбается, а Дэрри — строгий, суровый и не улыбается почти никогда. Но Дэрри к двадцати годам через многое пришлось пройти, слишком быстро пришлось повзрослеть. А Газ не повзрослеет никогда. Не знаю даже, что лучше. Но когда-нибудь да узнаю.

Короче, я шел домой, думал про киношку и внезапно пожалел, что иду один. Грязерам не стоит слишком часто ходить поодиночке, а то на них и наехать могут, ну, или кто-нибудь выскочит и заорет: «Гряаяязь!», от чего, понятно, тоже лучше не становится. Наезжают на нас вобы. Не знаю точно, с большой это буквы пишется или с маленькой, это сокращение — «высшее общество», золотая молодежь, богатенькие детки с западной части города. Это как слово «грязеры», которым называют всех нас, парней с восточной стороны.

Мы беднее, чем вобы и средний класс. Ну и, наверное, бедовее тоже. Не как вобы, конечно, которые наезжают на грязеров и разносят дома, накачавшись со скуки пивом, и про которых в газетах сначала пишут, что они позорят весь город, а потом — что приносят неоценимую пользу

обществу. Грязеры почти та же шпана, мы воруем, ездим на переделанных тачках, грабим автозаправки и время от времени сходимся на драки с другими бандами. Ну, то есть я-то как раз ничего такого не делаю. Попадись я полиции, Дэрри меня убьет. С тех пор как мама с папой погибли в автоаварии, нам троим можно жить вместе, только если мы себя хорошо ведем. Поэтому мы с Газом на неприятности стараемся не нарываться — и не попадаться, если нарываемся. То есть я что хочу сказать — почти все грязеры так себя ведут, и так же, как все, мы не стрижем волосы и носим джинсы с футболками, и кожаные куртки, и кроссовки или ботинки, и не заправляем рубашки в брюки.

Можно было дожидаться, когда Газ или Дэрри придут с работы, и пойти в кино с кем-нибудь из них. Они бы меня отвели, или отвезли, или даже пошли бы со мной в кино, хотя Газ вечно ерзает и ни одного фильма поэтому нормально посмотреть не может, а Дэрри в кино просто помирает со скуки. Дэрри считает, что нечего, мол, глазеть на чужую жизнь, ему и своей хватает. А можно еще было попросить кого-нибудь из нашей банды сходить со мной, кого-нибудь из четырех парней,

с которыми мы — я, Дэрри и Газ — вместе росли и которые нам как семья. Мы, считай, что братья, потому что когда растешь в таком спевшемся районе, как наш, всех знаешь как облупленных. Думаю я головой, позвонил бы Дэрри, и он бы заехал за мной по пути с работы, или Смешинке Мэтьюсу — это парень из нашей банды, — если бы я его попросил, он бы приехал за мной на машине, но иногда я просто ни о чем не думаю. Дэрри жутко бесится, когда я такие штуки откалываю, потому что я вроде как умный — у меня и оценки хорошие, и вообще я умный, и все такое, но головой я не думаю, и все тут. Ну и потом, я люблю ходить пешком.

Впрочем, я решил, что не так уж и люблю ходить пешком, когда заметил, что за мной тащится красный «корвейр». До дома было еще почти два квартала, поэтому я прибавил ходу. На меня еще ни разу не наезжали, но я видел Джонни после того, как он напоролся на четверых вобов, и зрелище это было не из приятных. После этого Джонни от собственной тени шарahalся. Джонни тогда шестнадцать было.

Конечно, все было без толку — в смысле, шагу прибавлять, — и я понял это еще до того, как

«корвейр» притормозил рядом со мной и из него вылезли пять вобов. Я здорово струхнул — я, конечно, крепкий, но для своих четырнадцати все равно маловат, а эти парни были все как один больше меня. Я машинально просунул большие пальцы в шлевки джинсов, ссутулился и стал прикидывать, удастся ли мне убежать, если я прямо сейчас рвану с места. Я вспомнил Джонни — какое у него было лицо, все в синяках и порезах, вспомнил, как он плакал, когда мы его нашли на поле почти без сознания. Джонни здорово достается дома, поэтому надо очень постараться, чтоб он заплакал.

Мне было холодно, но тут я разом вспотел. Ладони стали влажными, струйка пота побегала по спине. Со мной так бывает, когда мне по-настоящему страшно. Я огляделся, высматривая бутылку, палку, хоть что-нибудь — Стив Рэндл, лучший друг Газа, однажды отбитым бутылочным горлышком отмахался от четверых парней, — но рядом ничего такого не было. Так и стоял там как вкопанный, пока они меня окружали. Не умею я головой думать. Они, скалясь, не торопясь, медленно кружили вокруг меня.

— Эй, грязила, — сказал один наигранно-дружелюбным голосом. — Сейчас мы тебе поможем, грязила. Отрежем твои грязные длинные патлы.

На нем была клетчатая рубашка. До сих пор стоит перед глазами. Синяя рубашка в клетку. Один парень расхохотался, потом, понизив голос, выругался. Я не знал, что и сказать. Когда тебя вот-вот побьют, тем для разговора вообще немного, так что я помалкивал.

— Хочешь подстричься, грязер? — средних размеров блондин вытащил из заднего кармана нож, раскрыл его.

Тут я наконец придумал, что сказать.

— Нет.

Я попятился подальше от ножа. Ну и, разумеется, наткнулся на одного из вобов. Они меня вмиг повалили. Руки-ноги прижали к земле, один уселся мне на грудь и уперся коленями мне в локти, и если вам кажется, что это не больно, то у вас не все дома. Я чувствовал запах лосьона для бритья — «Английская кожа» — и застарелого табака и тогда еще подумал, дурак, не задохнусь ли до того, как они что-нибудь мне сделают. Мне даже этого хотелось, до того

я испугался. Я стал вырываться, и у меня даже почти получилось, но тут они навалились по сильнее, а тот, что сидел у меня на груди, пару раз мне врезал. Так что я лежал смиренно, только ртом воздух хватал и огрызался. Мне к горлу приставили нож.

— А если стрижка начнется чуть ниже подбородка?

Тут до меня дошло, что меня могут убить. Я слетел с катушек. Заорал — Газ, Дэрри, хоть кто-нибудь. Мне стали зажимать рот рукой, и я вцепился в эту руку со всех сил, чувствуя, как бежит по зубам кровь. Я услышал, как кто-то выругался себе под нос, мне снова врезали и стали совать в рот носовой платок. Один парень все повторял:

— Заткните его, да заткните же!

Потом послышались крики, раздался топот, вобы подскочили, а я остался лежать на земле, хватая ртом воздух. Лежал там и думал, что вообще происходит — кто-то перепрыгнул через меня, кто-то пробежал мимо, а у меня голова шла кругом, и я не соображал ничего. Тут кто-то ухватил меня под мышки и рывком поставил на ноги. Оказалось — Дэрри.

— Ты в порядке, Понибой?

Лучше бы он меня не тряс. Меня и без того мутило. Но я понял, что это Дэрри — и по голосу, и по тому, что Дэрри всегда со мной грубо обращается, даже когда не нарочно.

— Нормально все. Не тряси меня, Дэрри. Я в норме.

Он тут же перестал.

— Извини.

Это он для виду. Дэрри никогда и ни за что не извиняется. Я все думаю, до чего же странно, что он — вылитый отец, а ведет себя с точностью до наоборот. Отцу было всего сорок, когда он погиб, а выглядел он на двадцать пять, и многие думали, что папа с Дэрри не отец с сыном, а братья. Но они только внешне похожи — отец никому не грубил без причины.

В Дэрри шесть футов и два дюйма росту, он широкоплечий и мускулистый. У него темно-каштановые волосы, спереди вечно спутанные, а сзади все в вихрах — точь-в-точь как у папы, но вот глазами Дэрри ни на кого не похож. Глаза у него — будто две прозрачных бледно-зеленых льдинки. Взгляд у него очень решительный, как и он сам. Он выглядит

старше своих двадцати — он крутой, классный и умный. Если б не эти его холодные глаза, он был бы прямо очень красивым. Ничего, кроме простых, голых фактов, он не признает. Зато головой думает.

Я снова уселся на землю, потер щеку, куда мне сильнее всего врезали.

Дэрри сунул кулаки в карманы.

— Не сильно они тебя, нет?

Сильно. У меня все тело саднило и болело, грудь ныла, и я так разнервничался, что у меня руки тряслись, и реветь хотелось, но Дэрри этого не скажешь.

— Нормально я.

Газ прискакал обратно. Тут я уже сообразил, что за шум я слышал — это банда примчалась меня спасать. Он шлепнулся на землю рядом со мной, осмотрел мою голову.

— Что, Понибой, порезали тебя немножко?

Я только тупо на него уставился:

— Порезали?

Он вытащил носовой платок, смочил кончик слюной и осторожно прижал его к моей голове.

— Как свинью — кровь идет.

— Кровь идет?

— Сам погляди! — он показал мне платок, который будто по волшебству стал красным. — Они что, с ножом на тебя полезли?

Я вспомнил голос: «Хочешь подстричься, грязер?» Наверное, они задели меня лезвием, когда пытались заткнуть мне рот.

— Ага.

Я не знаю никого красивее Газа. Он красивый не как Дэрри — Газ красивый, как кинозвезда, такой красивый, что на него люди на улицах обращаются. Он пониже Дэрри и слегка поменьше, зато лицо у него выразительное, с тонкими чертами и он как-то ухитряется казаться сразу и задумчивым, и бесшабашным. У него темно-золотые волосы, которые он зачесывает назад, — длинные, гладкие и прямые; а летом они так выгорают на солнце, что становятся ослепительного пшенично-золотистого цвета. Глаза у него темно-карие — живые, веселые глаза, которые могут смотреть на тебя с нежностью и сочувствием — а потом вдруг вспыхнуть от ярости через секунду. Глаза у него папины, но Газ такой один. Он пьянеет, когда танцует или участвует в гонках, и при этом к алкоголю даже близко не подходит. На нашей стороне почти все парни пьют — хотя бы

изредка. Но Газ не пьет вовсе — ему и не нужно. Он пьянеет просто от жизни. И он всех понимает.

Газ глянул на меня повнимательнее. Я поспешно отвернулся, потому что, сказать по правде, уже хлюпал носом. Я знал, что я весь белый, и чувствовал себя так же, и трялся, как лист.

Газ только руку на плечо мне положил.

— Ну-ну, Понибой. Они тебя больше не тронут.

— Знаю, — ответил я, но тут земля у меня под ногами стала расплываться, и по щекам покатились горячие слезы. Я раздраженно смахнул их. — Напугался только, и все.

Я судорожно вздохнул и перестал плакать. Нельзя перед Дэрри плакать. Разве что тебе досталось, как тогда Джонни, когда мы нашли его на парковке. А по сравнению с Джонни мне так и вообще не досталось.

Газ взъерошил мне волосы:

— Ты, Пони, парень что надо.

Я невольно улыбнулся — Газ кого хочешь развеселит. Наверное, это потому, что он сам все время улыбается.

— Газ, вот ты псих, ты совсем ненормальный.

Дэрри смотрел на нас так, будто хотел нас стукнуть лбами.

— Оба вы чокнутые.

Газ только бровь вздернул, этому он у Смешинки научился.

— Похоже, у нас это семейное.

Дэрри уставился на него, но потом тоже расплылся в улыбке. Газировка один не боится Дэрри и обожает его дразнить. Я б матерого гризли и то охотнее бы подразнил, но Дэрри как будто даже любит, когда Газ его дразнит.

Ребята из нашей банды гнались за вобами до самой машины, швыряясь в них камнями. Теперь они бежали назад, к нам — четверо поджарых, крепких парней. Матерые ребята, это по ним сразу видно. Я вырос вместе с ними, и они считают меня своим, хоть я и младше, потому что я — братишка Дэрри и Газа и еще умею держать рот на замке.

Стиву Рэндлу — семнадцать, он высокий и худой, у него густые набриолиненные волосы, которые он вечно зачесывает в замысловатый кок. Он смысленый и пронырливый, и они с Газом — лучшие друзья с первого класса. Стив специализировался на машинах. Никто не мог скрутить колпак с машины быстрее и тише него, а кроме того, он машины знал вдоль и поперек

и мог водить все что угодно, лишь бы колеса были. Они с Газом вместе работали на заправке, Стив — неполный день, Газ — полный, и клиентов у них было больше всех в городе. То ли потому, что Стив так хорошо разбирался в машинах, то ли потому, что к Газу девчонки слетались как мухи на мед, уж сказать не могу. Стив мне нравился только потому, что он был лучший друг Газа. Ему я не нравился, для него я был «хвостик» и малышня. Газ всегда брал меня с собой, если они с ним куда-нибудь шли без девчонок, и Стива это бесило. Но я тут был ни при чем, Газ сам меня звал, я с ним не просился. Газ меня малышней не считает.

Старше всех — Смешинка, и он же в банде главный остряк. Росту в нем где-то футов шесть, он крепко сложен и очень гордится своими рыжеватыми бакенбардами. У него серые глаза и улыбка до ушей, и даже помирай он — все равно будет отпускать шуточки. Его просто-напросто не заткнешь, как будто ему смешинка в рот попала. Отсюда и прозвище. Даже учителя уже забыли, что на самом деле его зовут Кейт, да и мы редко вспоминаем, что у него вообще-то имя есть. Жизнь для Смешинки — одна

затяжная шутка. Он славился выкидным ножом с черной рукояткой и умением ловко воровать в магазинах (а иначе и ножа у него бы не было), и еще он вечно паясничал перед копами. Не мог удержаться, и все тут. Над каждым его словом не хочешь, а будешь смеяться, вот его и подмывало потешаться над копами, чтобы хоть как-то скрасить их унылую жизнь. (Это он мне так объяснил.) Он любит драки, блондинок и — по какой-то необъяснимой причине — ходить в школу. В свои восемнадцать с половиной он по-прежнему младшеклассник, и так ничему и не научился. Он ходит туда просто потехи ради. Вот он мне нравился, и даже очень, потому что с ним мы вечно смеялись над самими собой да и над чем хочешь. Он мне напоминал Уилла Роджерса — может, из-за улыбки.

Но если вы спросите, кто в банде самая заметная фигура, я скажу, что это Даллас Винстон — Далли. Я любил его рисовать, когда он был на взводе, потому что тогда его характер можно передать буквально двумя штрихами. У него лицо как у эльфа, скуластое и с острым подбородком, зубы мелкие и острые, как у зверька, а уши — как у рыси. Волосы у него такие светлые, что почти

белые, и он не признает никаких там стрижек, никакого масла для волос, поэтому волосы падают ему на лоб рваными прядями, сзади торчат вихрами и кудрявятся за ушами и на затылке. У него голубые, пронзительно ледяные глаза, в которых застыла ненависть ко всему миру. Далли три года прожил в бандитском Нью-Йорке, его впервые арестовали, когда ему было десять. Тонкая грань, которая отделяет грязера от бандита, в Далли была неразличима. Он был такой же бедовый, как хулиганы из южных кварталов, вроде банды Тима Шепарда.

В Нью-Йорке Далли выпускал пары в драках банда на банду, но здесь организованные банды — редкость, вместо них тут группки друзей, которые держатся вместе, а война здесь идет между социальными классами. Когда мы собираемся схлестнуться, это обычно означает, что двое чего-то не поделили, и тут как раз мимо проходили все их друзья. Ну да, у нас есть даже банды с названиями, Речные Короли, например, и Тигры с Тибер-стрит, но тут, на юго-западе, соперничающих банд нет. Поэтому Далли, конечно, время от времени ввязывался в хорошую драку, но ненавидеть ему было особо и некого. Ни с какой бандой мы не воевали.